

УДК 394(470-25)

Москва детская:
два поколения в пространстве мегаполиса

Эста Г. Матвеева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, budurik@inbox.ru*

Аннотация. Динамично развивающаяся урбанистическая среда оказывает влияние на городское детское сообщество: на формирование его привычек, коммуникативных навыков, социальных фобий и взаимоотношений с пространством. Для понимания степени влияния среды на человека в работе предпринимается попытка компаративного анализа двух поколений москвичей: современных детей и подростков, а также тех, чье детство пришлось на середину и вторую половину XX в. Предметом анализа являются персонажи (типажи) дворового пространства, которые вызывают у них наиболее негативные эмоции, в той или иной мере связанные с категориями страха (среди них соседи, подростки, дворники, бездомные люди). Как показывает исследование, фобии современного мира во многом связаны не с появлением новых реалий, а со сменой отношения к старым. Кроме того, выделенные четыре группы персонажей объединяет одна важная особенность – для ребенка эти категории людей являются носителями разных типов «инаковости»: *соседи* – другая семья, *подростки* – другой возраст, *дворники* – другая нация, *бездомные* – другой социальный статус.

Ключевые слова: детство, фобии, городской текст, Москва XX–XXI вв., историческая память, урбанизация

Для цитирования: Матвеева Э.Г. Москва детская: два поколения в пространстве мегаполиса // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 4. С. 117–128.

© Матвеева Э.Г., 2019

Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология», 2019. № 4

Children's Moscow: two generations in the urban space

Esta G. Matveeva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, budurik@inbox.ru*

Abstract. The rapidly developing urban environment impacts on the children's community of the city – on the formation of their habits, communicative skills, social phobias and interactions with space. In order to explore the degree to which the environment influences the individual, the paper attempts to provide an analytical comparison of two generations of Muscovites: the contemporary children and teenagers, on the one hand, and those whose childhood years were in the mid and late 20th century, on the other. The subject of this analysis are characters (types) of yard space that cause them the most negative emotions, in one way or another related to the categories of fear (among them: neighbors, teenagers, janitors, homeless people). As the study shows, the phobias in the contemporary world are largely related to the changed attitudes to old realities, rather than to the emergence of new ones. In addition, these four groups of characters are united by one apparently important feature: for a child they are carriers of different types of "otherness": neighbors – another family, teenagers – other age, janitors – another nation, homeless – other social status.

Keywords: childhood, fear, urban text, Moscow 20th – 21th centuries, historical memory, urbanization

For citation: Matveeva EG. Children's Moscow: two generations in the urban space. *RSUH/RGGU. Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series.* 2019;4:117-28. DOI:

Введение

Современная Москва растет и развивается так же быстро, как и ее население. Социально-экономические, культурные, инфраструктурные и многие другие перемены влияют на образ жизни, обычаи, стратегии территориального поведения и повседневные практики. В этих же условиях подрастает и новое поколение московских горожан, формируются их привычки, коммуникативные навыки, социальные фобии, и в том числе взаимоотношения с пространством.

Для того чтобы понять, в какой мере развивающаяся урбанистическая среда влияет на городское детское сообщество, я предлагаю, во-первых, обратиться к современным детям и подросткам и выяснить, какие персонажи (типажи)¹ дворового пространства

¹ Под персонажами (типажами) я подразумеваю группы людей, объединенные по профессиональным, возрастным, социальным и другим критериям и выделяющиеся по этим признакам в городском пространстве.

вызывают у них наиболее негативные эмоции, в той или иной мере связанные с категорией страха; во-вторых, используя устные воспоминания тех, чье детство приходится на середину и вторую половину XX в., выяснить, были ли присущи подобного рода фобии картине мира поколения старых москвичей, связанные с персонажами их дворового ландшафта. Подобная оптика поможет понять, связаны ли фобии современного мира с появлением новых реалий, или меняется отношение к старым.

Данная статья является частью глобального исследования взаимоотношений современных детей с пространством, в котором формируется их идентичность, принадлежность к сообществу, складывается их картина мира. При этом категория персонажей является центральной неслучайно. Вслед за ведущими теоретиками социологии, антропологии, культурной географии, урбанистики, семиотики и фольклористики я рассматриваю пространство как социальный конструкт, существующий независимо от физической реальности, с которой он в той или иной мере соотносится. На формирование представлений о локальных точках ландшафта влияет широкий комплекс факторов, в том числе его репутация тесно связана с людьми, которые проводят в нем время (национальные, возрастные и социальные группы), с текстами и практиками, которые его окружают (как ритуального, так и повседневного характера). Одним из первых заговорил о пространстве как социальном конструкте А. Лефевр, используя словосочетание «переживаемое пространство», образующееся недискурсивным, повседневным опытом и культурными практиками индивидов [1]. Согласно С. Лоу, социальное конструирование пространства предполагает его означивание посредством социальных взаимодействий, памяти и повседневных действий [2]. Помимо антропологов и социологов место и пространство (*place and space*) через отношение к ним индивида рассматривают культурные географы и урбанисты (см. Найджел Трифта, Эдвард Содж).

В той же мере, в какой меняющееся пространство влияет на человека, человек также влияет на пространство, формируя отношение к нему разных категорий населения. Подробнее поговорим о тех людях – персонажах, типажах, которые в современной Москве влияют на взаимоотношения с пространством городских детей и подростков.

Первая группа – «соседи»²

Свое движение в сторону освоения пространства ребенок начинает с выхода за границы своей квартиры, перешагивания порога. Иначе говоря, перед тем как оказаться во дворе, ему необходимо преодолеть общественное пространство дома. Здесь начинается его путешествие, отсюда начинаются его страхи. И в этих пространствах «спорного» статуса ребенок сталкивается с «соседями»:

О, я помню, дома, когда собиралась в магазин или что-то такое, вставляю ключ... вот у нас там подъезд и это... я вот отсюда вышла и там слышу какие-то женский и мужской, несколько голосов, *мне стало жутко, я вынула ключ, подождала пока они уйдут и спокойно пошла*, потому что это *было реально жутко, они прямо вот рядом с дверью вот были*. [А почему вы их боитесь?] Ну, *вдруг они какие-то вообще, или наркоманы, или сумасшедшие, или пили много, или курили что-то плохое* [Инф. 1].

Женщины перед домом на лавочках сидят и смотрят, постоянно, *когда возвращаешься, и какое-то напряжение постоянное*, чего сидят, чего смотрят... Становится не по себе, сразу *скорее бежишь к себе*, чтоб не смотрели, скорее, скорее... а ведь, бывает, еще пьют [Инф. 2].

Я предлагаю обратиться к воспоминаниям информанта, чье московское детство приходится на вторую половину 60-х – 70-е годы:

Раньше лавочки в подъездах были такой социальной средой, на которых сидели бабушки <...> но мы этих бабушек знали, *они были нам совершенно не страшны*. <...> Они нас всех знали по именам, из какой мы квартиры и чьи мы там дети, но главное, что вот эти бабушки и тетюшки, а иногда и дедушки, они были *страшной воспитательной силой* по отношению к той детворе, которая крутилась во дворе, они *определяли нравственные, поведенческие нормы наши*, это несмотря на то, что это были чужие бабушки и даже не мои там родственники. <...> То есть они *прямым образом вмешивались в нашу жизнь, и ни у кого из детей, и ни у кого из бабушек не возникало сомнения, что это правильно, что они имеют право чужим детям объяснять, как себя вести, просто*

² Исследования на материале корпуса устных рассказов показали, что эта категория персонажей также довольно часто встречается в детских страшных историях, транслирующихся в детском коллективе с целью эмоционального воздействия на слушателя (сосед прячет у себя дома мумию своего сына, сосед тайно проникает в квартиру ребенка с намерением убить его родителей и др.).

потому, что они были старшие взрослые и это были дети, которые бежали во дворе, это были всехние дети, вот этого двора, и была какая-то совокупная ответственность старших взрослых за то, как ведут себя вот эти дети [Инф. 3].

В современных спальных районах Москвы, где проживает, пожалуй, основная часть современной московской молодежи, культура дворового времяпрепровождения пожилых жильцов перестает существовать. Частично ее рудименты можно наблюдать в районах старых пятиэтажек и небольшой части центрального жилого комплекса (разведение придомовых палисадников, отдых на лавочках, коллективный уход за бездомными котами и кошками). Тем не менее функция таких групп жильцов для дворового пространства сильно редуцируется, их социальная роль замыкается внутри них самих: «Это стали *не ихние дети*, они не чувствуют никакого желания и какой-то внутренней обязанности следить за тем, как эти дети себя ведут» [Инф. 3].

Современным поколением двор перестает осмысляться как общее пространство «для всех», в котором любой старший наделен функцией воспитателя, а младший беспрекословно подчиняется этому конвенциональному праву. Слабые социальные связи внутри одного дворового пространства, отличающие современный московский двор от московского двора еще середины XX в., а также от соседства в пространстве той же деревни, диктуют свои стратегии поведения и конвенциональные рамки, активизирующие у детей защитные механизмы перед соседом, которого знаешь в лицо, но не контактируешь и в гости не ходишь.

А что касается уже постперестроечных времён <...> то здесь тоже произошло резкое изменение дома. <...> Поэтому, конечно, *изменилась и структура – стало меньше детей* во дворах. <...> *Стало больше дорогих машин*. Стали появляться в определённых подъездах *домофоны*. Тогда не было это распространено как обязательное запирающее устройство в подъезде, за которое потом взимаются деньги в квитанциях ЖКХ, а это устанавливалось очень часто *по инициативе именно жителей* конкретного подъезда. Вот так вот со временем и менялась жизнь [Инф. 4].

Вторая группа – «подростки»

Мне не нравится эта площадка... ну, когда я там с подругой гуляю, там хорошо, *а когда там гуляют дети, там... странные их шутки, какие-то не очень приличные, все такое, мне эта площадка вообще не*

нравится <...> они очень такие... нервные. Я тогда предпочитаю гулять одна, да хоть бы за домом, только бы подальше от этой площадки [Инф. 5].

А я не люблю гулять на этой площадке, когда там подростки, ну, когда я с кем-то, то мне не страшно, а когда там подростки, то... [Инф. 6].

Да, подростки это страшно. Мы вообще сейчас вот все тинэйджеры, потому что десять лет, которым там лет 15, они реально страшные [Инф. 7].

Мне не нравятся те места, где собираются ученики средних школ <...> и как бы незнакомые люди, которые могут вдруг на меня наехать [Инф. 8].

Обратимся ко второй половине XX в. и посмотрим, какие взаимоотношения со сверстниками во дворе были характерны для того времени:

С одной стороны, существовала своя дворовая компания, где старшие дети верховодили над младшими и, в частности, скажем, могли вымогать у них какие-нибудь мелкие деньги, которые тем давали на мороженое, а, с другой стороны, существовала как бы защита своего двора от детей с другого двора, поскольку было ощущение очень четкое «своего» двора. <...> Это были дворовые компании против чужих и, скажем, если ты шел из школы домой, то тебя могли подкараулить и побить, отнять портфель или шапку, или деньги, или еще что-то дети с другого двора только потому, что ты из чужого двора, ты не принадлежишь их двору, вот эти вещи, это было в 30–50-е гг., это было во множестве так [Инф. 3].

Несмотря на наличие возрастной иерархии в пределах одного дворового пространства, существовало понятие «своей» и «чужой» территории, проявляющееся как в индивидуальных стычках, так и массовых междворовых конфликтах, как феномен практически отсутствующих в современной Москве. В рамках этой оппозиции представители одного дворового сообщества представляли сплоченный коллектив, где старшие заступались за младших, защищали «своих» от «чужих». В современном мегаполисе это ментальное «право собственности» на дворовую территорию у детей пропадает. Размываются границы территорий, увеличивается число «временных» арендаторов, с совершенно иными стратегиями поведения, нежели у собственников, пространство и люди в нем перестают ощущаться «своими».

Был один такой шалопай, который выходил во двор, и вся детвора бросалась врассыпную, прятаться, ну *а всех остальных никто не боялся. Боялись по существу*, а не потому, что это какие-то незнакомые и непредсказуемые, ну просто *все друг друга знали* [Инф. 3].

Третья группа – «дворники»

А у меня еще есть очень неприятное место, я там чувствую себя не в своей тарелке, вот как по пути к моей лучшей подруге <...> *и там часто какие-нибудь дворники ходят*, все такое, и мне... я иду там такая... (имитирует ходьбу на цыпочках). [А чем дворники страшны?] Ну, они часто, ну... не знаю... *они сами по себе страшные, никогда не знаешь, что у них на уме* [Инф. 7].

Воспоминания о дворниках XX в.:

У нас был дворник дядя Петя, который жил в соседнем доме, он был там, не помню, то ли с Владимирской, то ли с Калужской губернии, он нам заливал... Ну, он, естественно, подметал, поливал газоны, заливал нам зимой спортивную площадку. *Дядя Петя был совершенно не страшный, у него были свои дети, которые, естественно, входили в наш дворовый круг. Мы его никак не боялись, наоборот, он был очень коммуникабельный, со всеми общался, и все было с ним вполне в порядке* [Инф. 3].

Для настоящего времени характерна смена этносоциальной структуры: по сравнению с большей частью XX в. современные дворники воспринимаются преимущественно как этнические чужаки. Вдвойне любопытно, что раньше дворники также были этнически выделенными:

В старой Москве были две этнические группы, которые держали за собой разные городские функции. Айсоры – держали уличные тротуарные обувные будки. <...> *Очень часто в старой Москве дворниками были московские татары* [Инф. 3].

А вот где-то вот после войны, даже не после войны, наверное, а, наверное, во время войны, я думаю, что вот где-то года... года, наверное, 43-го, сюда стали приезжать очень много татар. И устраивались они именно вот на должность вот дворниками [Инф. 4].

Другое дело – реальные татары-дворники или айсоры – уличные чистильщики сапог, *никакого отторжения или опасения они*

не вызывали; да, обычная часть городского населения. Помню в нашем доме татарку-дворничиху Марусю (первая половина 50-х), татарку-домработницу (имя забыл); наверняка встречались и другие [Инф. 9].

<...> Но они были московскими, они не были чужаками, это была этническая группа, которая была со времен Ивана Грозного, когда татарская слобода переселилась в Москву, они были своими, все понимали, что они татары – не русские, но их как чужаков не воспринимали, так же как чужаков не воспринимали айсоров, потому что они были вписаны в течение многих веков вот в эту московскую социальную среду и занимали отдельную профессиональную нишу, в отличие от современных мигрантов, которые живут своими кланами [Инф. 3].

Как видно из интервью, несмотря на свою этническую маркированность, дворник середины и начала второй половины XX в. не воспринимался как «чужак». Являясь частью московской социальной среды (дворник живет в доме, который обслуживает, его дети включены в дворовое сообщество), он если и вызывал страх детей, то это был страх не перед «чужим», а страх перед взрослым, который вправе наказывать за «неправильное поведение». По сравнению с нынешними дворниками, которые, безусловно, воспринимаются как «чужаки», замкнутые в своем коллективе, право существования в рамках московского сообщества дворников старой Москвы никем не подвергалось сомнению и воспринималось как онтологическая данность, что, безусловно, распространялось и на отношение к ним детского сообщества.

У нас была дворник такая тетя Дуня. Она у нас называлась «Недремлющее око». Я не знаю, когда она спала. Серьезно, она в любое... вот когда... вот когда не приди. <...> Она все видела, кто вошел, кто вышел. Даже те, кто не вошел, по-моему. Но они все, дворники, они, наверное, были этими, осведомителями. Вот она видела, она видела все [Инф. 10].

Дворник был частью местной вернакулярной власти, он был безусловный посредник между жителями данного дома, домов и официальной властью. <...> Его боялись дети, но как старшего взрослого, наделенного каким-то повышенным статусом, потому что в советское время он мог не то, чтобы милицию вызвать, а просто надрать уши, родителям пожаловаться, он осмыслялся как человек наделенный властью, которого следует бояться, если ты там вдруг чего плохого сделал [Инф. 3].

Однако где-то с конца XX в. политическая, социальная ситуации начинают меняться, а вместе с ними меняется и отношение к этнически маркированным меньшинствам.

Получается такой закрытый двор, и вот там вот довольно часто татары собирались, но потом, видимо, старшее поколение, потому что... были и дворники, и вот слесаря приходили – это были татары. <...> Они, собственно, и говорили, понятное дело, на татарском и явно ходили в мечеть. *А потом в какой-то момент – наверное, в момент первой-второй, там, чеченских войн, вот этих вот – очень резко изменился контингент прихожан мечети, и пятница стала таким днем, когда, например, детей встречали из школы. У нас никогда не встречали детей. А вот с... <...> [То есть стала ли ощущать[ся] от них опасность?] [DVE:] Да. И я это совершенно точно тебе говорю, потому что изменился антропологический тип тех, кто идет в мечеть [Инф. 4].*

Четвертая и последняя группа – «бездомные»

Если пьяницы и наркоманы – для городского пространства категория более-менее привычная как в XX в., так и в XXI в., то бездомные стали частью городской реальности не так давно и пришли на смену так называемой прослойке «нищих».

[Вы говорите, бездомных в вашем детстве не было, а как же нищие?] Поскольку была статья за тунеядство, то всякое нищенство и попрошайничество подпадало под эту статью. Но нельзя сказать, что нищих не было. *Они появлялись на всякие религиозные праздники, в частности на Пасху. Когда по такому неофициальному разрешению они появлялись около кладбищ, куда стекался народ на Пасху. <...> И вот это я очень хорошо помню, это были нищие на Пасху перед кладбищами. <...> И вот когда мы на Пасху шли по этой дорожке на кладбище, то моя функция была двоякая, с одной стороны, я выклянчивала у мамы как можно большее количество шуришащих, они делались из гофрированной папиросной бумаги, цветков на таких медных проволочках, которые нужно потом прикручивать к кресту, а с другой стороны, мне давали горсть медных монеток и я шла... пойдя подай копеечку нищему, вот это вот такое яркое впечатление детства, я понимала, что они какие-то странные, другие, что это нищие, им надо подавать копеечки, но при этом я их не боялась, потому что у меня была вот эта функция подачи милостыни, которая уничтожала ощущение того, что они... да, то есть это было не страшно, потому что я была с родителями и потому что я так сказать выполняла официальную, ритуально предписанную коммуникацию, я с ними один на один не оставалась,*

а внутри кварталов никаких естественно нищих не было, безусловно, потому что за этим жестко следил участковый, и, если человек больше трех недель не работал, не устраивался на работу, его просто начинала милиция страшным образом терзать <...> [Инф. 3].

Блатных я не видел. Нищих в Москве было в то время много. Я их тоже не видел. На Катуаровке, собственно говоря, не было нищих. Там не у кого, вернее, негде было им стоять. Но при всяком походе в церковь вокруг толпились – или на кладбище – толпились огромные толпы нищих [Инф. 11].

В 90-е годы с изменением условий жилищного кодекса – если до этого жилищный фонд был государственным, то отныне квартиры переходят в частную собственность жильцов – появляется возможность купли-продажи. У неблагополучной части населения за бесценок скупается жилье, и они оказываются на улице – это становится одним из каналов пополнения новой социальной прослойки «бездомных». Вторым каналом становятся те, кто в это крайне нестабильное время теряет работу. Так или иначе, все это становится новой реальностью приближающегося XXI в. До того момента москвичи были знакомы лишь с категорией «нищих» – людей, которые были частью не столько городской среды, сколько очень ограниченной ее составляющей: пространством у храмов, церквей, кладбищ во время религиозных праздников. Это обстоятельство диктовало и отношение к ним окружающих, в том числе детей. Между детьми и нищими была налажена неофициальная, но конвенционально предписанная сообществом взрослых коммуникация, они вписывались и были частью ежегодной религиозной практики подаяния и существовали только в рамках ее реальности. Нищие не собирались в городских подземных переходах, в окрестностях метрополитена и на лавочках перед домом, следовательно, не представляли для ребенка никакой опасности, какую, вероятно, могут представлять современные бездомные.

Откровенно говоря, как сейчас я вот таких не видела. Нет, это уже в современное время было. Когда трубы здесь прокладывали, тут жили эти бомжи. Тогда такого не было. Откуда это могло быть? Все были прописаны. Все жили по месту прописки [Инф. 10].

Заключение

Как показало исследование, фобии современного мира во многом связаны не с появлением новых реалий, а со сменой отношения к старым.

1. *Соседи.* Культура дворового времяпрепровождения пожилых жильцов в Москве перестает существовать; если до сих пор ее рудименты можно встретить в некоторых частях старого жилищного фонда, социальные функции таких немногочисленных сообществ сильно редуцированы. Слабые социальные связи на уровнях взрослый-взрослый и взрослый-ребенок в рамках лестничной клетки/подъезда/двора активизируют у детей механизмы защиты.

2. *Подростки.* В современном мегаполисе размываются границы дворового пространства, увеличивается число «временных» арендаторов, с совершенно иными стратегиями поведения, нежели у собственников, придомовая территория и люди, обитающие в ней, перестают ощущаться «своими». Ментальное «право собственности» на двор у детей пропадает, ослабевают социальные связи на уровне ребенок-ребенок.

3. *Дворники.* Для современного времени характерна смена этносоциальной структуры. Современные дворники воспринимаются преимущественно как этнические чужаки, замкнутые в своем коллективе, о которых «никогда не знаешь, что у них на уме». В отличие от XX в., когда дворник если и вызывал страх, то это был страх не перед «чужим», а перед взрослым, который вправе наказывать за «неправильное поведение», являясь частью дворовой вернакулярной власти.

4. *Бездомные.* В отличие от ситуации, характерной для XXI в., между детьми и нищими прошлого столетия была налажена неофициальная, но конвенционально предписанная сообществом взрослых коммуникация, они вписывались и были частью ежегодной религиозной практики подаяния и существовали только и исключительно в рамках ее реальности. Иначе говоря, «чуждость» персонажа контролировала строго урегулированная коммуникативная ситуация, при которой происходила встреча нищего и ребенка.

Эти четыре группы объединяет одна важная особенность – для ребенка эти категории людей являются носителями разных типов «инаковости»: соседи – другая семья, подростки – другой возраст, дворники – другая нация, нищие – другой социальный статус.

Благодарности

При подготовке статьи были использованы материалы проекта «Историческая память города: общедоступный портал устных рассказов о Москве» (рук. Н.В. Петров), поддержанного Фондом президентских грантов № 17-2-013869.

To prepare the paper, I used the material of the «Historical Memory of the City: An open-access portal of oral stories about Moscow» project No. 17-2-013869 (supervisor Nikita Petrov), supported by the Presidential Grants Foundation.

Список информантов

- Инф. 1 – АДК, 2007 г.р., Москва, 2018 г., зап. Матвеева Э.Г.
 Инф. 2 – ПМС, 2004 г.р., Москва, 2018 г., зап. Матвеева Э.Г.
 Инф. 3 – ЕГС, 1963 г.р., Москва, 2018 г., зап. Матвеева Э.Г.
 Инф. 4 – МРВ, 1962 г.р., Москва, 2018 г., зап. Гаврилова М.В.
 Инф. 5 – МСС, 2008 г.р., Москва, 2018 г., зап. Матвеева Э.Г.
 Инф. 6 – АМБ, 2008 г.р., Москва, 2018 г., зап. Матвеева Э.Г.
 Инф. 7 – АПА, 2007 г.р., Москва, 2018 г., зап. Матвеева Э.Г.
 Инф. 8 – АКЖ, 2002 г.р., Москва, 2018 г., зап. Матвеева Э.Г.
 Инф. 9 – СЮН, 1941 г.р., Москва, 2018 г., зап. Матвеева Э.Г.
 Инф. 10 – ЕДА, 1952 г.р., Москва, 2018 г., зап. Матвеева Э.Г.
 Инф. 11 – НКВ, 1941 г.р., Москва, 2018 г., зап. Петров Н.В.

Литература

1. *Левевер А.* Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
2. *Лоу С.* Пласа. Политика общественного пространства культуры. М.: Strelka Press, 2016. 352 с.

References

1. Lefebvre H. The Production of Space. Moscow: Strelka Press Publ.; 2015. 432 p. (In Russ.)
2. Low SM. On the Plaza: The Politics of Public Space And Culture. Moscow: Strelka Press Publ.; 2016. 352 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Эста Г. Матвеева, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., 6; budurik@inbox.ru

Information about the author

Esta G. Matveeva, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; budurik@inbox.ru